

АЛЕКСАН АКОПЯН

Доктор исторических наук

Институт Востоковедения НАН РА

jakobialex@yahoo.com

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ В ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ И В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

Проблема этнических процессов в античности и в средневековье является относительно малоизученной в кавказоведении. Особенно недостаточно изучен вопрос об этнических процессах в Кавказской Албании, в Восточном Закавказье. Вышедшие до самого последнего времени специальные и обобщающие работы по истории и культуре Албании не основаны на специальной методологии изучения и характеристики этнических общностей, которая выработана и приведена в целостный вид лишь в течение последних десятилетий. В этих работах, несмотря на различные конкретные и косвенные оговорки, сам термин «албанцы» (или «албаны», «алуаны», «арранцы») употребляется в таком ракурсе, что под ним понимается наличие единого этноса – со своим языком, культурой и самосознанием². Для подтверждения или, наоборот, отрицания такого подхода, на наш взгляд, следует аргументированно ответить на следующие вопросы: какие предпосылки были для формирования этноса; как реализовались эти предпосылки; чем завершился процесс, т. е. какую функциональную нагрузку несет термин «албанцы» в античных и средневековых источниках?

Прежде чем приступить к рассмотрению этих вопросов, необходимо уточнить наше понимание термина «этнос». Следуя акад. Ю. В. Бромлею, мы определяем этнос как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех

¹ В основу статьи положен доклад авторов на английском языке, представленный на Международном конгресс этнографических и антропологических наук в Загребе в 1988 г., см.: **Акопян А., Galstyan A.**, 1988, 1–10 (переиздание: **Галстян А.**, 2002, 147–157). Настоящий оригинальный вариант на русском языке публикуется впервые, с добавлениями первого из авторов.

² **Еремян С. Т.**, 1958, 305; **Тревер К. В.**, 1959, 44 и др.

других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»³.

Впервые термин «албанцы» засвидетельствован в трудах греческих авторов IV – III вв. до н.э. Аристула, Патрокла и Эратосфена (о них мы судим по отрывкам, известным из более поздних античных сочинений)⁴. Эти авторы называют «албанцами» население ниже левобережья Куры, между Кавказским хребтом и Каспийским морем. До них, без упоминания какого-либо названия, о многочисленных племенах на той же территории, стоявших на низком уровне социального развития, сообщает Геродот (I, 202). На сегодняшний день трудно окончательно определить первоначальную этническую семантику термина «албанцы» и его вариантов («Алуанк'», «Аран», «Эрети»). По мнению ряда исследователей, под ним обозначалось наиболее могущественное племя племенного союза, давшее свое наименование всему сообществу⁵. Однако это мнение никакими известными на сегодняшний день реальными фактами не может быть обосновано. Представляется, что специалисты стоят перед альтернативой: либо первоначально из какого-нибудь географического, описательного понятия возник топоним «Албания», перешедший впоследствии на население, либо же «албанцами» назывался какой-то союз племен. Такой союз родственных племен мог образоваться в северо-восточном Закавказье в результате этно-сепарации прадагестанской этнолингвистической общности⁶.

Следующие сведения об «албанцах» – населении царства «Албания» – датируются I в. до н. э. и восходят к сподвижникам римских полководцев Лукулла, Помпея и др. Эти данные уже более подробны и позволяют начертить границы царства, которое возникло в самом начале I в. до н. э.: с юга – река Кура; с севера – Кавказские горы и вершины южного Дагестана до Дербентского прохода (Джалганский хребет); с востока – Каспийское море от Куры до Дербента; с запада – Иверия по линии границы между поздними Кахети и Эрети⁷.

Образование Албанского царства следует считать важнейшей предпосылкой формирования этноса на его этнической территории. По свидетельству Страбона (XI, 4, 6), царство было образовано в результате объединения 26 племен-языков (γλῶτται), во главе каждого из которых стоял свой собственный

³ Бромлей Ю. В., 1983, 57–58.

⁴ Подробно см.: Тревер К. В., 1959, 50–58; Акопян А. А., 1987, 9–12.

⁵ См., к примеру: Алиев К., 1974, 124–127.

⁶ О ней см., к примеру: Бокарев Е. А., 1961, 18.

⁷ Подробно см.: Акопян А. А., 1987, 21–36.

царь (βασιλεύς). Это говорит о том, что Албанское царство возникло из союза или конфедерации племен.

Относительно языков албанских племен сведения источников весьма скудны. Страбон пишет, что «языков у них 26, вследствие чего они плохо сношаются друг с другом» (здесь и далее во всех цитатах курсив авторов статьи). Если учесть, что в Албанском царстве должны были проживать в основном лезгиноязычные племена, то данное свидетельство Страбона показывает, что этносепарационный процесс в протолезгинской этнолингвистической общности дошел до возникновения и функционирования отдельных, почти взаимонепонятных языков. Конечно, нам следует учесть, что кроме пралезгиноязычных, в царстве Албания фиксируются также ирано- и картвелоязычные племена⁸. Однако, несмотря на это, можно говорить об определенном родстве языков для подавляющего большинства албанских племен, восходящих к пралезгинской этнолингвистической общности.

На основании археологических материалов и сведений нарративных источников можно говорить и о культурно-бытовых общностях албанских племен. На нижнем левобережье Куры зафиксирована весьма своеобразная археологическая культура, названная исследователями «Ялойлутепинской» и датируемая V в. до н.э. – первыми веками н.э.⁹. Античные писатели, в частности, Страбон, рассказывают о своеобразных привычках «албанцев», отмечая этим их отличие от соседних этносов и метаэтносов.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что в IV–I вв. до н.э. этносоциальное развитие древнеалбанских племен привело к возникновению потестарно-политической единицы под названием «албанцы». Они, как и другие хорошо изученные потестарные единицы Европы накануне нашей эры (Гальский союз, союз племен свевов, иллирийцы, кельты, даки и др.) «представляли собой не столько сплоченные этнические общности, сколько конгломераты родственных племен, возникшие вследствие неизбежного в условиях первобытного общества дробления и расхождения (а частично и последующего смешения) периодически разраставшихся... древних кровнородственных объединений»¹⁰. Такие общности принято называть метаэтническими, подразумевая под ними группу этносов, «обладающих (хотя бы в неразвитой – зачаточной или остаточной форме) элементами общего самосознания, основанными на этногенетической близости или на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии,

⁸ См.: Алиев И. Г., Асланов Г. М., 1976, 218–237; Папуашвили Т. Г., 1971, 6 сл.

⁹ Исмизаде О. Ш., 1956; Тревер К. В., 1959, 62 сл.

¹⁰ Лашук Л. П., 1967, 79.

а в классовом обществе – и на политических связях»¹¹. Чрезвычайно важным для данного случая является выделение такого качества метаэтносов, каким является их постоянная переходность и изменяемость (в отличие от этноса). На наш взгляд, по вышеописанным причинам (наличие в Албанском царстве иранских и картвельских племен), этническую общность племен Албанского царства следует охарактеризовать как скорее этнополитическую, чем этнолингвистическую. Естественно, термин «албанцы» является в указанный период политонимом, обозначающим всё население потестарного образования «Албания». Если предположить, что первоначально термин «Албания» обозначал топоним (т.е. не образовался из этнонима), то налицо трансформация топонима в политоним, причем, в силу полиэтничности потестарно-политической единицы, здесь отсутствует совпадение политонима с этнонимом (как, например, Югославия – югославы, Нигерия – нигерийцы, Индонезия – индонезийцы, Дагестан – дагестанцы и т.д.).

Почти всем потестарно-политическим организациям эпохи разложения первобытности и становления раннеклассового общества характерна большая этноконсолидирующая функция. Однако путь развития от племени или союза племен к этносу более высокого уровня этнических связей, т.е. к народности, довольно сложный, поскольку «народность, как особая категория классового общества, отнюдь не является простой модификацией численно разросшегося первобытного племени или даже союза племен»¹². Для этого нужны мощное политическое и социально-экономическое развитие, переход от племенных к территориально-гражданским связям, изживание межплеменных инфосвязей и, как результат всего этого, изживание племенного самосознания и формирование этнического самосознания более высокого уровня.

Анализ разнородных источников в разрезе III в. н.э. показывает, что перечисленные выше предпосылки оказались недостаточными для формирования в Албанском царстве единого надплеменного этноса. Дело в том, что примерно в первой половине III в. н.э. из состава Албанского царства вышла вся его восточная, приморская половина (для III–V вв. источники фиксируют на этой территории Маскутское, Баласаканское, Лпинское царства и более мелкие «царства» горских, восточноалбанских племен). При этом, если многочисленные античные источники называли всё население (в том числе и приморское) царства «албанцами», то позднеантичные и ранние византийские, сасанидские, армянские и сирийские источники называют только лишь отдельные племенные этнонимы отделившейся территории, никогда не применяя больше термин «ал-

¹¹ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., 1976, 17.

¹² Лашук Л. П., 1967, 86.

банцы»¹³. Это показывает, что в Албанском царстве к III веку не сложился единый этнос, и многочисленные племена, во всяком случае на востоке, сохранили свои племенные этнонимы и, выйдя из состава политического образования «Албания», сразу же потеряли собирательное название, политоним «албанцы» (как потеряли, к примеру, «бангладешцы» свой прежний политоним «пакистанец» сразу же после выхода их из состава государства Пакистан, также, впрочем, как «пакистанцы» потеряли свой прежний политоним «индийцы» после выхода из состава государства Индия).

Албанское царство на западе продолжало свое непрерывное существование до 461/462 года (оно было окончательно упразднено в нач. VI века). Его функционирование предполагает развитие этноконсолидационных процессов среди западной части 26 древнеалбанских племен.

В 315 г. в Албании было официально принято христианство¹⁴. По сообщению «Жития Григория» (I пол. V в.), албанский царь принял крещение от руки «просветителя Армении» Григория в реке Арацани; последним же в Албанию был отправлен епископ Фома. Роль возвысившейся над племенными культами монотеистической христианской религии в деле формирования общеалбанской культуры и гомогенизации духовной жизни царства не требует специальных доказательств. Правда, следует оговориться о трудностях реального распространения новой религии, столкнувшейся, по-видимому, с настойчивым сопротивлением албанских племен (еще в VI в. на левобережье Куры бытовала мощная секта персторезов) и зороастризмом, насаждаемым Сасанидским государством, влияние которого на Закавказье уже с III в. н.э. становится одним из важнейших факторов политического и культурного развития региона.

Важной ступенью этноконсолидационных процессов в Албанском царстве должно было быть социально-экономическое и культурное возвышение одного из племен и создание общеалбанского койне на базе языка (диалекта) этого племени. Так, создание общегреческого койне ученые связывают с образованием союза греческих государств для борьбы против персидской экспансии в V–IV вв. дон.э. В основе этого койне лежит аттический диалект, что связано с главенствующим положением Афин в антиперсидской борьбе¹⁵. В Албании также можно было ожидать возвышения одного из племенных языков. За эту возможность говорит хотя бы факт создания Маштоцем и его соратниками письмен-

¹³ Акопян А. А., 1987, 99–107.

¹⁴ Подробно см.: Акопян А. А., 1987, 124–126.

¹⁵ Ср.: Туманян Э. Г., 1985, 40.

ности на основе одного из албанских языков (скорее всего удинского) в начале V в.¹⁶

Наличие собственной письменности является качественно новым этапом плотности инфосвязей внутри союза племен, играя огромную роль в первую очередь для усиления относительно слабых диахронных связей¹⁷. Армянский историк первой пол. V в. Корюн свидетельствует о начале перевода Библии на «албанский язык» (гл. 17). Другой историк Левонд (VIII в.) сообщает о существовании албанского варианта евангелий (гл. 14). В армянской «Книге посланий» сохранился документ, свидетельствующий о существовании одного из решений Двинского церковного собора 506 г., проходившего с участием иверского и албанского католикосов, и в албанском варианте¹⁸. Таким образом, становление письменного албанского языка официальным языком Албанской церкви (до 462 г. – епископства с центром в Капалаке, после – архиепископства-католикосата с центром в Чоре-Дербенте) не может вызывать сомнений. Однако сам факт исчезновения этой письменности позволяет думать, что, будучи языком лишь одного из племен, он не стал общеалбанским койне, принятым остальными албанскими племенами¹⁹. К тому же письменный «албанский» не был единственным официальным языком резиденции албанского католикосата. Другим таким языком был армянский (еще албанский царь Есвалэн, содействовавший принятию «национального» письма, оставил в Иерусалиме надпись на армянском языке)²⁰.

Анализ источников V в. показывает, что и функционирование Албанского царства (западного) со всеми отмеченными его мероприятиями не стало достаточной основой для завершения процесса этноконсолидации или этномиксации внутри метаэтнической общности «албанцы» и становления последнего термина этнонимом.

В 428 г. Сасаниды упразднили царство Великой Армении и образовали в Закавказье систему трех марзпанств под теми же названиями – «Армения», «Иверия», «Албания». В состав марзпанства «Албания» (в армянских источниках – «Алуанк'», в иранских – «Аран») они включили (до 50-х гг. V в.) не только Албанское царство и территории горских приморских племен на левобережье Куры, но и две армянские провинции на правобережье Куры –

¹⁶ Об этом сообщают армянские авторы Корюн, Мовсэс Хоренаци, Мовсэс Дасхуранци и др.

¹⁷ Арутюнов С. А., 1986, 61.

¹⁸ Книга посланий, 1901, 51.

¹⁹ Подробно см.: Акопян А. А., Галстян А. П., 1987, 13–14 (переиздание: Галстян А., 2002, 93–95).

²⁰ Мнацаканян А. Ш., 1969, 79–80.

Утик и Арцах. К концу V в. в армянской историко-географической традиции сложилась новая семантика термина «Алуанк'» («Албания», «албанцы»), он стал наименованием всего марзпанства («шахра», «страны»), включая и этнически армянское правобережье Куры. При этом, уже в конце V в. Мовсэс Хоренаци объясняет оба варианта названия «страны» (армянский «Алуанк'» и иранский «Аран») на основании правобережных, армянских реалий. А это, в частности, означает, что и к концу V в. на левобережье Куры не существовало этноса под этнонимом «албанцы», почему и было возможно связать вышеназванные термины с «неалбанским компонентом» марзпанства.

Следует также особо подчеркнуть, что термин «Алуанк'», благодаря частице множественности «-к'», по принципам древнеармянского языкового мировосприятия не только одинаково, но и одновременно означает и «Албания», и «албанцы» как население первой. Поэтому факт весьма легкого перехода наименования «Алуанк'» на армянское правобережье марзпанства является дополнительным доказательством того, что оно не было этнонимом, обозначением определенного этноса, компонента марзпанства «Албания». В скобках отметим, что новое название было так сильно связано с Утиком и Арцахом, что в X в., в период феодальной раздробленности и борьбы армянских князей правобережья за «свободу» от центральной власти армянских Багратидов, его даже абсолютизировали. Рупор отмеченной борьбы, армянский историк Мовсэс Дасхуранци (Каланкатуаци), противопоставляет «албанцев» – «алуанк'» (под которыми он подразумевает всех христиан «страны Албании», находившихся под юрисдикцией Албанской церкви с центром на правобережье, т.е. главным образом армян Утика и Арцаха) «армянам» Багратидской Армении²¹. Не вникая в сложность семантики термина «Алуанк'» в X в., ряд исследователей ошибочно смешивает «албанцев» Мовсэса Дасхуранци с собственно албанцами левобережья Куры. В действительности, если воззрение историка считать воззрением определенного общественного слоя, то оно может свидетельствовать только лишь о том, что на базе вышеотмеченных процессов (переход названия «Алуанк'» на Утик и Арцах, развитие последних областей в составе другой административно-церковной единицы в течение нескольких веков, борьба местных князей против централизаторских стремлений Багратидов) развивались этносепаационные процессы, способные привести к образованию нового, производного от армянского, этноса. Однако дальнейшее политическое развитие региона, в частности, завоевание сельджуков, привело к ослаблению мощи армянских феодалов (как в центре Армении, так и на окраинах) и к

²¹ Подробно см.: Акопян А. А., 1987, 259–272.

прекращению основанного на центробежных стремлениях этносепарационного процесса²².

Таким образом, почти шестивековое функционирование Албанского царства на левобережье Куры не привело к образованию албанского этноса. Однако многоплеменное население царства, зафиксированное в античных и раннесредневековых источниках под собирательным названием, политонимом «албанцы», можно рассматривать как политическую метаэтническую общность. А это показывает, что можно говорить о «/собственно/ албанцах» и «/собственно/ албанской цивилизации» (как, к примеру, можно говорить о славянах, скифах, ацтеках и т.д., славянской, скифской, ацтекской и т.д. цивилизациях).

В 461/462 г., подавив пятилетнее восстание албанского царя Вачэ II, Сасаниды упразднили не только Албанское царство, но и маленькие царства горских, восточноалбанских племен. Административное укрепление марзпанства «Албания» способствовало формированию в нём единой политической, экономической и духовной жизни, т.е. положило начало этнической интеграции его собственно албанского (на левобережье Куры) и армянского (на правобережье) населения. Однако эта интеграция оказалась сегрегационной. В первой пол.VI в. центр марзпанства был перенесен из Чора (Дербента) во вновь построенный город Партав, т.е. с собственно албанского левобережья был смещен на армянское правобережье. В 552 г. из Чора в Партав была перенесена и резиденция албанского католикосата. В начале VII в. сформировался институт «князя Албании», резиденция которого также находилась на правобережье – в Партаве и Гардмане.

Анализ программных документов первого этапа партавского католикосата (VI в.) – так называемой «Повести о Вачагане» и «Алуэнских канонов», показывает, что в результате вышеотмеченного перемещения армянский стал единственным официальным языком Албанской церкви. Это привело к резкому сокращению сфер функционирования письменного албанского языка и к широкому восприятию левобережным, собственно албанским населением армянской культуры правобережья. Албанская письменность продолжала еще функционировать в левобережных собственно албанских христианских общинах в качестве языка местной церковной службы: на этом языке до нас дошли лишь 10 лапидарных надписей, датируемых временем позднее VI в., а также отрывки албанского синаксаря в грузино-албанском палимпсесте, недавно открытом в

²² Подробнее см.: Акопян А. А., Мурадян П. М., Юзбашян К. Н., 1987, 169–174 (переиздание: Мурадян П. М., 1990, 14–37).

монастыре Св. Екатерины на Синае²³. Однако, лишенный официальной поддержки католикосата и понятный только незначительной части собственно албанских племен, этот язык в течение ближайших веков полностью вышел из употребления. Функцию письменного языка взяли на себя армянский, а также грузинский, который в связи с усиливающимся начиная с VII в. влиянием грузинской, диофизитской церкви всё более распространялся в западных районах Собственно Албании.

Указанные процессы полностью остановили формирование албанского этноса из метаэтнической общности. Вместо увеличения плотности инфосвязей, здесь произошел процесс включения отдельных частей метаэтноса в состав других единиц, имеющих более плотные инфосвязи²⁴. Это означает, что горизонтальные инфосвязи между племенами прервались и этноконсолидационный процесс остановился. В связи с этим, начиная с VI–VII вв. можно говорить уже не о собственно албанцах и собственно албанской цивилизации, а только о культурах прямых наследников последней.

Но переход на письменный армянский и грузинский языки и восприятие через них армянской и грузинской культур привел к ослаблению также и вертикальных, т.е. межпоколенных информационных связей внутри отдельных албанских племен. Кроме того, в период господства Арабского халифата и сменивших его мусульманских политических образований протекал процесс мусульманизации части собственно албанских племен, для которых функцию письменного языка взял на себя не столько арабский, сколько фарси (новоперсидский). На почве литературного персидского языка и местного устного фарси, в пределах Ширванского царства происходила консолидация мусульманского населения (частично иранского, частично кавказского происхождения), которая, по всей видимости, привела к образованию этноса, прямыми потомками которого являются современные таты. Впоследствии в результате новых этнических процессов часть мусульманизированного собственно албанского населения вместе с мусульманизированными армянами, грузинами, иранцами и пришлым тюркским мусульманским этническим элементом консолидировалась в иную народность²⁵ (путем этномиксации).

²³ Подробно см.: **Муравьев С. Н.**, 1981, 260–290; **Mouraviev S. N.**, 1998–2000, 1–74; **Aleksidzé Z., Mahé J.-P.**, 1997, 1239–1257; **Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P.**, 2008.

²⁴ Ср.: **Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.**, 1972, 19.

²⁵ Ср.: **Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.**, 1972, 56–58. Следует отметить, что в последние годы в трудах азербайджанских исследователей безоговорочно фигурирует декларативное утверждение, фактически идентифицирующее албанцев (которые объявляются сложившимся уже в античности единым этносом) с азербайджанцами. Подробную критику этой модер-

Этническое развитие сохранивших свою самобытность собственно албанских племен привело к образованию современных народностей лезгинской языковой подгруппы, проживающих на юго-востоке Республики Дагестан (Российской Федерации) и севере – северо-востоке Азербайджанской республики: удин, лезгин, табасаранцев, цахуров, рутульцев, агульцев, арчинцев, крызов, будугов, аликцев и хиналугцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акопян А. А., – 1987, Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках, Ереван, 1987.

Акопян А. А., Галстян А. П., – 1987, Этноязыковые процессы в Собственно Албании, – II международный симпозиум по армянскому языкознанию: Тезисы докладов, Ереван, 1987, стр. 13–14.

Акопян А. А., Мурадян П. М., Юзбашян К. Н., – 1987, К изучению истории Кавказской Албании (по поводу книги Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании»), ИФЖ, Ереван, 1987, № 3, стр. 169–189.

Алиев И. Г., Асланов Г. М., – 1976, Племена сармато-массагето-аланского круга на территории Азербайджана, – ДВ, Вып. II, Ереван, 1976, стр. 218–237

Алиев К., – 1974, Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.), Баку, 1974.

Арутюнов С. А., – 1986, Классификационное пространство этнической типологии, – СЭ, 1986, № 4, стр. 58–63.

Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н., – 1972, Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, – Расы и народы, Вып. 2, Москва, 1972, стр. 8–30.

Арутюнян Б., – 1987, Когда отсутствует научная добросовестность, – ВОН АН Арм. ССР, 1987, № 7, стр. 33–56.

Бокарев Е. А., Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961.

Бромлей Ю. В., – 1983, Очерки теории этноса, Москва, 1983.

Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., – 1976, Метаэтнические общности, – Расы и народы, Вып. 6, Москва, 1976, стр. 15–41.

Галстян А., – 2002, Статьи, мемуары, интервью..., Ереван, 2002 (на арм. яз.)

Еремян С. Т., – 1958, Политическая история Албании III–VII вв., – Очерки истории СССР. III – IX вв., Москва, 1958, стр. 310–323.

Исмизаде О. Ш., – 1956, Ялойлутепинская культура, Баку, 1956.

Книга посланий, Тифлис, 1901 (на арм. яз.).

Лашук Л. П., – 1967, О формах донациональных этнических связей, – ВИ, 1967, № 4, стр. 77–92.

низаторской концепции см.: **Акопян А. А., Мурадян П. М., Юзбашян К. Н.**, 1987; **Арутюнян Б.**, 1987.

- Мнацаканян А. Ш.**, – 1969, О литературе Кавказской Албании, Ереван, 1969.
- Муравьев С. Н.**, – 1981, Три этюда о кавказско-албанской письменности, – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, VIII, Тбилиси, 1981, стр. 260–290.
- Мурадян П. М.**, – 1990, История – память поколений (Проблемы истории Нагорного Карабаха), Ереван, 1990.
- Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.**, – 1972, Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика), Москва, 1972.
- Папуашвили Т. Г.**, – 1971, Вопросы истории Эрети...: Автореф. дисс. докт. ист. наук, Тбилиси, 1971.
- Тревер К. В.**, – 1959, Очерки истории и культуры Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. Москва – Ленинград, 1959.
- Туманян Э. Г.**, – 1985, Язык как система социолингвистических систем. Синхронно-диахронное исследование, Москва, 1985.
- Akopyan A., Galstyan A.**, – 1988, Concerning the study of ethnic processes in the Caucasian Albania (Antiquity and Early Middle Ages), – 12th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences (Zagreb, 1988): USSR Academy of Sciences, N. N. Mikloukho-Maklay Institute of Ethnography, Moscow-Zagreb, 1988, p. 1–10.
- Aleksidzé Z., Mahé J.-P.**, – 1997, Découverte d'un texte albanien: une langue ancienne du Caucase retrouvée, – Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris, 1997, p. 1239–1257.
- Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P.**, – 2008, The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai, Vol. I-II, Brepols Publishers n. v., Turnhout, 2008.
- Mouraviev S. N.**, – 1998 – 2000, Trois études sur l'écriture albanienne, – RĖArm., N. S., T. 27, Paris, 1998–2000, p. 1–74.

ВИ – Вопросы истории (Москва)

ВОН – Вестник общественных наук (Ереван)

ДВ – Древний Восток (Ереван)

ИФЖ – Историко-филологический журнал (Ереван)

СЭ – Советская этнография (Москва)

RĖArm., N. S. – Revue des études arméniennes (nouvelle série, Paris)

ԱԼԵՔՍԱՆ Յ. ՅԱԿՈԲԵԱՆ

Պատմական գիտությունների դոկտոր
ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտ
jakobialex@yahoo.com

ԷԹՆԻԿ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐԸ ԿՈՎԿԱՍԵԱՆ ԱՂՈՒԱՆՔՈՒՄ ԱՆՏԻԿ ՇՐՋԱՆՈՒՄ ԵՒ ՎԱՂ ՄԻՋՆԱԴԱՐՈՒՄ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ք.ա. Դ – Գ դդ. յոյն հեղինակներին յանգող տեղեկություններում «աղուաններ» (ալբաններ, առանցիներ) անուանումը տրւում է Կուրի, Իորիի, Կովկասեան լեռների (մինչև Դերբենդի անցքը) եւ Կասպից ծովի միջև ընկած տարածքի բնակչութեանը: Տարածամանակեայ տուեալների համադրումը թոյլ է տալիս այդ անուան տակ տեսնել հիմնականում նախալեզգիական էթնոլեզուական ընդհանրութեան մասնատումից առաջ եկած ցեղերի մի խումբ: Ըստ Ստրաբոնի՝ Ք.ա. Ադ. սկզբին նշուած տարածքում ձեւաւորուած Աղուանից թագաւորութիւնում ապրում էին 26 ցեղեր, որոնք խօսում էին փոխադարձաբար անհասկանալի լեզուներով: Ուրեմն՝ նախկինում միասնական էթնոլեզուական ընդհանրութիւնից ծագած ցեղերի էթնո-սոցիալական զարգացումը հասցրել էր նախկին բարբառներից առանձին լեզուների ձեւաւորմանը: Աղուանից թագաւորութեան վեց դարերի գոյութիւնը պէտք է դիտել որպէս նրա բնակչութեան կամ առնուազն դրա՝ նախալեզգիական էթնոլեզուական ընդհանրութեանը յանգող մասի շրջանում էթնամիաւորող գործընթացների զարգացման անվիճելի նախապայման (թագաւորութեան տարածքում ապրել են ոչ միայն լեզգիական, այլեւ իրանական ցեղեր, ինչպէս նաեւ որոշակի քարթուկական էթնիկ տարր): Էթնոհամախմբման յաջորդ աստիճանը պէտք է լինէր ցեղերից մէկի սոցիալ-տնտեսական ու լեզուա-մշակութային գերիշխանութիւնը եւ նրա լեզուի հիման վրայ համաաղուանական կոյնէի ստեղծումը: Մակայն սկզբնաղբիւրների տեղեկությունների համադիր քննութիւնը Ք.յ. Գ դարի սկզբի եւ Ե դարի վերջի ժամանակագրական կտրուածքներով ցոյց է տալիս, որ Աղուանից թագաւորութեան մէջ չձեւաւորուեց էթնոս՝ իր միասնական լեզուով, մշակոյթով, ինքնագիտակցութեամբ եւ, հետեւաբար, ինքնանուանմամբ: Ըստ այսմ, Ե դարի սկզբին Աղուանից պետութեան եւ եկեղեցու վերնախաւի օժանդակութեամբ Մաշտոցի կողմից ստեղծուած «աղուանից» գիրը

հիմնում էր ոչ թե վեր բարբառային կոյնէի, այլ ցեղային լեզուներից մէկի վրայ: Միասնական «աղուանից» լեզուի ձեւաւորման եւ հետագայ զարգացման ճանապարհին որոշակի խոչընդոտ էր նաեւ Աղուանից եկեղեցու համակարգում մշակութային աւելի հզօր աւանդոյթներ ունեցող հայերէնի գործառնումը:

Աղուանից մարզպանութեան ստեղծումը եւ նրանում հայ միատարր էթնոսի մի ստուար զանգուածի միացումը (Ուտիքի եւ Արցախի՝ Կուրի աջ ափնեակում) նպաստեց Աղուանից եկեղեցու համակարգում հայոց լեզուի գործառական դերի ամրապնդմանը: Իսկ Չ դարում Աղուանից կաթողիկոսի աթոռանիստի տեղափոխումը Չող-Դերբենդից աջափնեայ նորակառոյց Պարտաւ, այսինքն՝ բուն աղուանականից զուտ հայկական միջավայր, յանգեցրեց հայերէնի վերածմանը կաթողիկոսարանի պաշտօնական գրագրութեան միակ լեզուի: Գրաւոր «աղուաներէնը» յաջորդ դարերի ընթացքում շարունակում էր կիրարկուել լոկ որպէս Բուն Աղուանքի տարածքի քրիստոնեայ համայնքների տեղական ծիսակարգի լեզու: Այն աւելի պակաս կենսունակ դարձաւ բուն աղուանական ցեղային բնակչութեան այն հատուածների մէջ, որոնք Արաբական խալիփայութեան եւ նրան յաջորդած մահմեդական քաղաքական միաւորումների տիրապետութեան դարաշրջանում ընդունեցին մահմեդականութիւն եւ որոնց համար գրաւոր գործառնութիւն ստացաւ պարսկերէնը: Մայրենի լեզուով գրի եւ գրականութեան բացակայութիւնը յանգեցրեց լեզուական ու մշակութային որոշակի ուժացման, որն իր արտայայտութիւնը գտաւ նաեւ էթնիկ ինքնագիտակցութեան մէջ:

ALEKSAN H. HAKOBYAN

PhD in History

Institute of Oriental Studies, NAS RA

jakobialex@yahoo.com

THE STUDY OF ETHNIC PROCESSES IN THE CAUCASIAN ALBANIA IN ANTIQUITY AND EARLY MIDDLE AGES

SUMMARY

In the first evidence on Albanian, which goes back to Greek authors of the IV-III centuries BC, the name “Albans” (Aluans, Arans) is given to the population inhabiting the territory between the downstream of Kur, Iori, Caucasian mountain ridge (until Derbend) and Caspian Sea. The analysis of the data of different periods makes it possible to render this term primarily as a group of tribes, formed as a result of splitting up of the prelesgianethnolinguistic entity. According to Strabo the population of the Aghvan kingdom, that was formed at the very beginning of the I c. BC and included the territory between Kur, Iori, Caucasian mountains to Derbend Passage and Caspian Sea, consisted of 26 tribes. The languages spoken there were mutually non-understandable, which means that the ethnosocial evolution of the tribes, preliminary organized in a single ethnolinguistic entity, brought to the transformation of dialects into separate languages.

The existence of the Albanian kingdom (abolished by Sassanians in 462) for five and a half centuries has to be viewed as an indisputable preliminary for the development of ethnoconsolidating processes among the population or, at least, that part of the population which had its roots in the prelesgian ethnolinguistic entity. (As a matter of fact, the Albanian kingdom was already inhabited not only by Lesgian-speaking, but also by Iranian-speaking tribes, as well as a significant number of Qartuelians). The next condition of ethnoconsolidation had to be the social-economic hegemony of one of the Albanian tribes proper and the formation of a koine on the basis of the languages of those tribes. But this presumably did not take place. The analysis of the facts contained in written documents of the chronological period between III and V centuries BC shows that in the Albanian kingdom no single ethnos with a common language, culture, national consciousness was formed. So, the so-called “Albanian” script created at the beginning of the V century by Mashtots with

the assistance of the upper social strata of the Albanian kingdom and the Albanian church, was not based on an extradialectal koine but on one of the tribal languages. But besides all the other factors there was another serious obstacle on the way of the formation and further development of a common Albanian language i.e. the functioning of another official language of the Albanian church, the Armenian, which had stronger traditions and was fully canonized.

The formation of the Sassanian administration unit Albanian Marzpanity, which included not only Albanian proper, but also the Armenian provinces of Artsakh and Utik' on the right riverside of the Kur, and the spread of the jurisdiction of the Albanian church also on the rightside, Armenian regions had to be conducive to the further strengthening of the functional role of the Armenian language in the spheres of influence of the Albanian church . The Albanian proper into Armenian ethnic environment, brought about the transference of Armenian into the only official language of the Albanian Catholicos residence. During the next few centuries the written Albanian continued to function on the left riverside of the Kur, as the local language of Church services. But being deprived of the official assistance of the Catholicos and non-understandable to the majority of Albanian proper tribes, this language gradually ceased to function and in Christian communities was fully replaced by Armenian. In the first place, the written Albanian had to be "forgotten" by those section of the Albanian population, which in the period of the Arab chalifate's and succeeding Muslim political organizations' domination had converted to Islam and for whom the written language had become Persian. The absence of a written native language brought to linguistic and cultural assimilation which affected the ethnic self-consciousness as well.